

НАДЪ ГРОБОМЪ П. И. БАРТЕНЕВА.

*Въруай въ Мя, аше и умреть,
оживетъ. (Юан. II, 25).*

Такъ сказалъ Жизнодавецъ Господь нашъ плачущей Марѣ при гробѣ умершаго брата ея Лазаря. И мы всѣ, вѣрующіе въ Него, живемъ этой надеждой, въ ней мирясь съ смертію братій своихъ.

Вотъ и онъ умеръ,—умеръ тотъ, который дѣлалъ дѣло своей жизни уже полвѣка тому назадъ, когда мы, сами уже покрытые пепломъ жизни, еще только явились на свѣтъ Божій. И съ той поры неустанно, ни на шагъ не останавливаясь, шелъ онъ дорогою своей жизни, знакомя насъ съ жизнедѣятельностію нашихъ дѣдовъ и отцовъ, выставляя предъ нами живые образы ихъ въ ихъ словахъ и дѣлахъ. И какое обиліе этихъ живыхъ образовъ собралъ онъ изъ самыхъ разнообразныхъ хранилищъ человѣческой памяти! Съ какимъ искусствомъ, знаніемъ и пониманіемъ дѣла это собранное разбиралъ, распредѣлялъ и заносилъ въ свою „записную книжку“! Какою изумительной точностію въ опредѣленіи времени, мѣста, положенія и взаимныхъ отношеній родовыхъ, бытовыхъ и всякаго другого рода отличались эти собственноручныя отмѣтки и замѣтки его! Какая это была феноменальная память и громадная эрудиція, какой тонкій и глубокий умъ сказывался въ его оцѣнкѣ воспоминаемыхъ имъ лицъ и событій и какое художественное слово, въ какое облакалъ онъ свои мысли и сужденія! А этотъ неустанный и кропотливѣйшій трудъ, безъ отдыха, безъ развлеченій на протяженіи болѣе полувѣка, даже тогда, когда на плечахъ труженника было свыше восьмидесяти лѣтъ! По истинѣ не знаешь, чему въ этомъ Русскомъ архивистѣ нужно было болѣе удивляться—этой ли его необычайной трудоспособности или лучше

выносливости труда, въ наши дни постоянныхъ толковъ „о переутомленіи“, для многихъ непонятной, или обилію, глубинѣ и силѣ его духовныхъ дарованій и талантовъ. Да, покойнаго не обвиняясь можно назвать тѣмъ приточнымъ рабомъ, который надѣленъ отъ Господа не однимъ или двумя, а пятью талантами и который ни одного изъ нихъ не закопалъ въ землю, а всё ихъ употребилъ въ дѣло, дѣло своей долгой жизни, до послѣдняго угасающаго дня ея...

Будемъ ли поэтому плакать объ немъ, подобно Марѣѣ объ Лазарѣ, плакать о томъ, что вотъ и нѣтъ его? Не плакать, что нѣтъ его, а благодарить Бога, что былъ среди насъ—на нашихъ глазахъ жилъ такой трудолюбецъ, который не губилъ и не погубилъ врученные ему отъ Бога таланты, а, употребивъ ихъ въ дѣло, до конца исполнилъ долгъ, завѣщанный отъ Бога! Да, знаменательнымъ мнѣ кажется даже то, что нить его жизни порвалась на послѣдней двѣнадцатой книгѣ пятидесятаго года его Архива! Вѣдь пятидесятый годъ и по Библии есть годъ юбилейный, за которымъ и по Божьему слову достойно и праведно надлежитъ быть награждѣ... Развѣ все это не можетъ для насъ служить залогомъ того, что и почившій, если и умеръ, оживеть?...

Бываютъ люди, которые, говоря слова откровенія св. Іоанна, думаютъ, что они живы, а они мертвы; но бываетъ и наоборотъ; о человѣкѣ говорятъ, что онъ умеръ и мы сами видимъ его во гробѣ, а онъ живъ. Это же самое мы можетъ сказать о почившемъ. Онъ живъ въ томъ самомъ дѣлѣ, которое такъ неустанно дѣлалъ всю свою долгую жизнь; ибо дѣло это не ушло съ нимъ въ гробъ, въ могилу, а осталось съ нами, у насъ и для насъ и само есть дѣло жизни—жизнь.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тѣ 600 „выпусковъ“ „Русскаго Архива“ за пятьдесятъ лѣтъ его существованія, которые собралъ и составилъ почившій, вложивъ въ нихъ свою душу, свою жизнь, хоть въ нѣкоторой части и составляютъ библиографическую рѣдкость, все же цѣлы и, конечно, тщательно будутъ храниться и надолго еще сохранятся въ книгохранилищахъ науки. Хочется вѣрить, что изданія „пѣвца Екатерины“ ея сподвижниковъ и преемниковъ, долго, долго, пока жива Россія, не покроются пылью забвенія и чѣмъ больше и дольше будутъ жить, въ живомъ употребленіи живыхъ людей, тѣмъ цѣннѣе будутъ считаться. Можно смѣло сказать, что безъ этихъ книгъ не обойдется ни одинъ ученый Русскій историкъ въ своихъ изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ о послѣднихъ двухъ столѣтіяхъ жизни Россіи, общественной, государственной и

даже церковной; потому что въ своемъ „Архивѣ“ почившій не просто собиралъ все, что осталось отъ того времени, безъ всякаго разбора и системы, а изъ собираемаго имъ историческаго матеріала выбиралъ то, что, по его мысли, было важно и существенно, въ своихъ краткихъ, но всегда мѣткихъ и умныхъ примѣчаніяхъ строго и точно опредѣляя цѣнность и значеніе сообщаемого имъ историческаго матеріала. Этими примѣчаніями и еще больше конечно самымъ подборомъ историческаго матеріала своего „Архива“, какъ живой картиной былого, онъ говорилъ о томъ, чему другіе учили насъ, или отвлеченнымъ языкомъ философскихъ и богословскихъ разсужденій, или поэтическими образами фантазіи: Аксаковы, Хомяковы и Кирѣевскіе, М. Филаретъ, Катковъ, Пушкинъ и Достоевскій—вотъ тѣ русскіе орлы, къ стаѣ которыхъ примыкалъ почившій своими идеалами, которыми жилъ онъ и которые оживлялъ предъ нами въ воспроизводимыхъ образахъ былого. „Былое въ сердцѣ воскрешая и въ немъ сокрытаго глубоко духа жизни вопрошая“, почившій въ воспроизведенныхъ имъ образахъ былого оживлялъ предъ нами отцовъ и дѣдовъ нашихъ, ихъ самихъ, какъ живыхъ, заставлялъ говорить о томъ духѣ жизни, которымъ жили они, какъ истинно-Русскіе люди, и которыми, какъ вѣковѣчными устоями, жила и всегда жива была и будетъ Россія... Здѣсь стоитъ отмѣтить, что вѣдь изъ его, покойнаго „Русскаго Архива“ мы впервые узнали о той „философіи общаго дѣла“ мало кому вѣдомаго нашего Русскаго любомудра, по которой весь смыслъ-то Русской, да и не Русской только жизни, въ томъ, чтобы воскресить отцовъ въ жизни дѣтей ихъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ чудны, какъ глубоко истинны и сердцу Русскому желанны, въ этой „философіи общаго дѣла“ такъ логически несокрушимо и до осязательности живо запечатлѣнныя, мысли о Царѣ, какъ въ Отца и праотцовъ мѣсто поставленномъ и о связи его съ народомъ во имя Бога, какъ Бога отцовъ,—тѣ мысли, которыя какъ нельзя лучше выражаютъ собою основныя устои Русской жизни, въ которыхъ скрытъ духъ этой жизни! Это-то настоящее православно-русское міро—и жизнепониманіе раздѣляя, этимъ-то духомъ Русской жизни, какъ идеаломъ оживляясь, имъ руководясь, и оживлялъ, воскрешалъ къ жизни отцовъ и дѣдовъ нашихъ почившій пѣвецъ старины въ воспроизводимыхъ имъ образахъ былого. Обращая къ усопшимъ отцамъ, къ ихъ словамъ и дѣламъ сердца живыхъ сыновъ ихъ и чрезъ то тѣхъ и другихъ взаимно объединяя, онъ и самъ объединялся съ тѣми и другими, являя чрезъ то въ себѣ настоящаго православно—русскаго челоувѣка. А вѣдь въ этомъ оживленіи усопшихъ, въ воскрешеніи духа ихъ жизни въ жизни живыхъ, въ этомъ объединеніи всѣхъ въ Богѣ, какъ Богѣ отцовъ, и существо православія, какъ дано оно въ пра-

вославленной церкви, въ ея отличіи отъ Западнаго инославія: не даромъ у насъ именно воскресеніе Христова есть праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ...

Нужно ли послѣ сказаннаго разъяснять еще слова Господа: *впруай въ Мя, аще и умретъ, оживетъ*, въ ихъ приложеніи ко въ Бозѣ почившему? Нужны ли еще какія свидѣтельства православія его вѣры для надежды на его воскресеніе въ духѣ и силѣ воскресенія Христова? Развѣ, гоня свое слово къ концу, сказать о самомъ концѣ его жизни? Такъ христіански непостыденъ онъ былъ.

Я уже сказалъ выше, что всего лишь за нѣсколько дней до своей кончины закончилъ онъ одиннадцатую и заготовилъ матеріалъ на двѣнадцатую, послѣднюю книжку своего Архива за текущей годъ—пятидесятый годъ его изданія, какъ бы исполнивъ долгъ, завѣщанный отъ Бога какъ дѣло жизни своей,—всего лишь за нѣсколько дней сподобился св. таинствъ покаянія и св. Причащенія, и соединившись чрезъ то со Христомъ, послѣдніе предсмертные дни провелъ, по словамъ Богомъ данной спутницы его жизни, какъ бы въ отрѣшенности отъ этой жизни, отъ всего земного и въ этой безмолвной отрѣшенности отъ житейской суеты, тихо, незамѣтно-тихо скончался, упокоился отъ трудовъ своихъ—сталъ покойникомъ....

Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, со святыми упокой, и дѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная; яко Ты еси воскресеніе и животъ и покой усопшаго раба Твоего Христе Боже нашъ и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и пресвятымъ и божіимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, и нынѣ и присно и во вѣки. вѣковъ. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Соловьевъ.

